

ЮБИЛЕЙ

Душа приучена трудиться

Александр Ильичу Федорову, доктору филологических наук, участнику Великой Отечественной войны, боевому авиатору, 2 июня исполняется 90 лет. Накануне своего юбилея он побывал в редакции и все мы, особенно женский состав, отметили, что возраст его практически не изменил — Александр Ильич был, как всегда подтянутый (чувствовалась военная выправка), бодрый, интеллигентный, остроумный, внимательный и галантный.

— Александр Ильич, вы всю жизнь занимаетесь великим и могучим русским языком, это он дает вам силы и стимул для творчества?

— Язык наш «великий и могучий» остался таковым только в классической литературе, в употреблении же он стал примитивным. Выступления руководителей страны, общественных деятелей, участников различных телепрограмм отличает стилистическая глухота. Лексика, фразеология и синтаксические конструкции бедные, употребляется много бессмысленных словосочетаний. Почти в каждое предложение механически вставляются слова «короче, достаточно» или словосочетание «в самом деле». Речь совершенно не соответствует принятым нормам. Почему? Потому, наверное, что люди не читают классической литературы. А произведения современных писателей, за некоторым исключением, и читать-то не хочется. Что делать, чтобы изменить ситуацию? Нужно, конечно, образовывать филологически тех, кто имеет прямое отношение к средствам массовой информации. Именно чтение образует человека и воспитывает хороший вкус, который, как говорил Пушкин, состоит в чувстве соразмерности и соразности употребления слов и конструкций.

Прежде в Институте русского языка в Санкт-Петербурге был сектор, который определял нормы речи, речевой культуры, в Москве был такой же сектор, сейчас их нет. Был подготовлен 17-томный словарь русского литературного языка, я один из соавторов этого словаря — 7-й, 8-й, 9-й тома написал, но в наше время его не купишь. К тому же он лингвокультурологический, там много историзмов, слов, которые указывали на ушедшие реалии, а нужен словарь, который бы отражал нормативную лексику, ту, которая точно отражает все предметы, явления, факты действительности. И вместе с тем экспрессивную лексику, которая тоже вошла в употребление, когда слово не только указывает предмет, но и оценивает его. Пока этим занимается некому — лингвисты, которые составляли словари, почти все уже ушли из жизни, а на смену им никто не пришел.

Год назад я закончил работу над словарем, отражающим устаревшую лексику и фразеологию, которые есть в творчестве Пушкина и употреблялись до конца прошлого века, сдал в печать в московское издательство «Астрель». Оно уже трижды издавало мои фразеологические словари, собирается сделать это в четвертый раз. У словарей сейчас небольшие тиражи, если раньше они составляли до 30 тысяч экземпляров, да их ещё и по несколько раз повторяли, то сейчас в лучшем случае 2—3 тысячи.

Сдал я эти оба словаря в печать, сейчас пишу дополнение к Сибирскому диалектному словарю, который нужен для работы этнографам, лингвистам, диалектологам, историкам языка. В Сибири в отдаленных местах всё ещё сохраняются остатки старых реалий в одежде, в орудиях сельского труда. Лексика здесь разнообразная — русские, осваивая Сибирь, осваивали и средства труда аборигенных народов, отсюда заимствованная лексика, которая и сейчас в измененном виде используется.

Мне кажется, что хорошие пособия по языку писателей, культурологические словари, словари современной лексики создавать необходимо. Они нужны для того, чтобы уровень культуры у всех грамотных людей поднимался, не говоря уже о тех, кто занимается массовой информацией, правительственных чиновниках. Народу, гордящемуся такими великими писателями как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Бунин, должно быть стыдно разговаривать на примитивном языке, смешанным с воровским жаргоном.

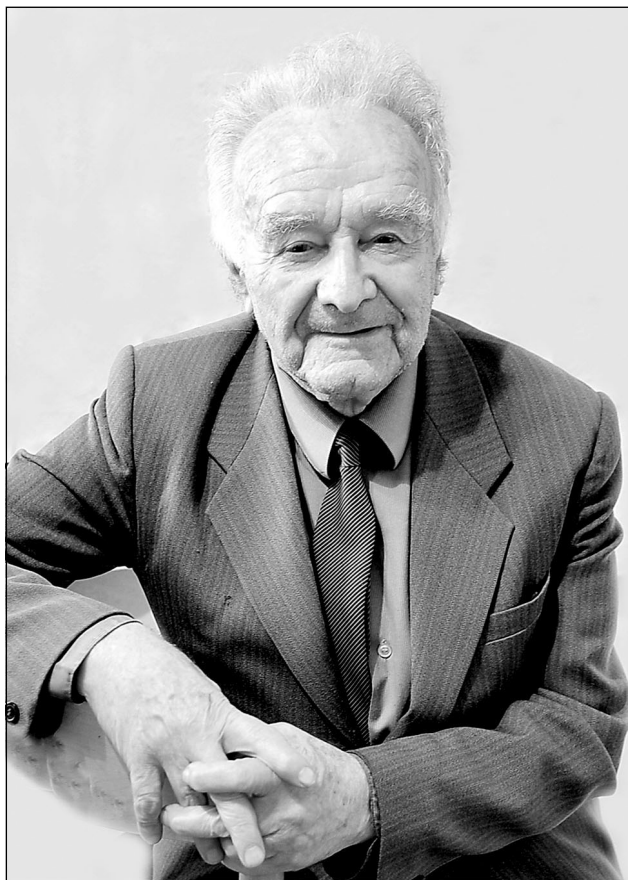
Я помню, как во время войны в разрушенном городке под Сталинградом я обнаружил и взял с собой несколько томов Л. Толстого, и в перерывах между полетами мы читали его всем экипажем. В «Войне и мире» на страницах, посвященных князю Андрею, Пьеру Безухову настолько глубоко выражено состояние человека перед боем и после боя, что мы были поражены, как Толстому удалось так точно всё описать.

— Александр Ильич, нам всё равно не удастся уйти от темы войны, участником которой вы были и забыть которую невозможно...

— Забыть невозможно. Я служил в полку авиации дальнего действия, где было много честных, порядочных людей, они вошли в душу и сердце и остались там навсегда. У меня был великолепный командир экипажа Иван Егорович Гаврыш, Герой Советского Союза — у него всего-то было 7 классов образования, но он был удивительно спокойный, практический склада ума, требовательный и справедливый человек, и вся эскадрилья на него ориентировалась.

Пилот — армянин Миша Каспаров, который чувствовал машину, как скрипач скрипку, и сажал её в самых безнадежных ситуациях. Человек он был сугубо гражданский, даже приветствовать не умел как следует — ладонь держал лодочкой, как будто на солнце смотрел. Командир велел мне научить его стрелять хотя бы из пистолета. Помню стрелка-радиста по фамилии Главный, если вылет был удачный, мы выпивали свои сто граммов и он пел задушевные украинские песни, а мы слушали. Много было хороших людей, никаких солдафонов, никакой национальной розни, дедовщины тогда не было.

Молодые стрелки-радисты, которые сразу после училища поступали в полк, от недоедания были хиловатыми, они даже плохо высоту переносили, мы их поддерживали. Если кто-то не возвращался из полета, мы собирали его вещи, прикупали за границей всякие эрзацы — посылку матери или жене отправляли. Это стало обычаем. Когда к хорошему человеку привыкаешь, друг он или не друг тебе, совести требовала сделать для его родных что-то хорошее. Мы знали,

случись что с нами, оставшиеся в живых поступят также. Когда погибали друзья, мы напивались. Хотя это было опасно — на следующий день возможен был вылет, и там требовались внимание, быстрота в принятии решения, соображение, скорость действия...

Был у нас капитан Николай Кравцов — умница, красавец, очень лихой и необыкновенно смелый. Погиб. Гайворонский — великолепный пилот. Командир полка Боленко Саша. Они остались в моем сердце, и я всегда в непростых ситуациях себя проверял, поступили бы также эти люди или нет.

Правда, были люди и не ахти какие приличные, но таких было немного, с ними поступали по-мужски — давали по морде.

— А когда война закончилась, в мирной жизни вы были также бескомпромиссны, и людей и их поступки оценивали по критериям военного времени? Как вы привыкли к мирной жизни?

— Откровенно говоря, с большим трудом. После войны надо было найти себя... Мой командир Гаврыш посоветовал мне поступить в училище гражданского воздушного флота в Кривом Роге, тем более, что я уже знал технику пилотирования. Но на войне я был ранен в ногу и руку, нога-то ничего, а рука стала кривой и короче на полтора сантиметра. Я её натренировал и вернулся в свой полк. У меня даже был второй разряд по боксу, но в лётное училище меня все равно принять отказались. Это была для меня трагедия.

— А почему вы выбрали филологию?

— Я не знал, куда пойти. С детства мечтал стать физиком. Вырос на хуторе в Тверской области, у нас было хозяйство, я был старшим и помогал родителям с малых лет. Но как-то из деревни пришли коммунисты и погнали нас с хутора — раскулачили, хотя никто на нас не батрачил, мы все работали, а привычка к труду очень много значит в жизни. Я хорошо учился в школе, но за время войны всё забыл. Выручило то, что я всегда много читал, неплохо знал литературу, и меня приняли в педагогический институт, на филологию.

Окончил учебу успешно и меня рекомендовали в аспирантуру, по окончании которой я был оставлен в Ленинграде, в Институте русского языка, в словарном секторе. У меня была медаль «За оборону Ленинграда», которая давала право на получение квартиры. Время шло, у меня семья, дети — все в одной комнатухе в коммунальной квартире. Сосед-пьяница, дворник, который всё время матерился, оскорблял всех, я его предупредил, что, если он не перестанет, я его проучу. Он не перестал. А я молодой был, горячий, решал проблемы, как привык на войне — ударил его. Он шум поднял, пошел жаловаться на меня в институт, мол, ребро сломал. Разборки всякие. Меня захлестнуло чувство обиды...

В это время мне предложили поехать работать в Сибирь, где создавался Академгородок. Поехал я посмотреть. А комнату в Ленинграде забронировал, поскольку непонятно было, как сложится жизнь в Сибири. В результате остался здесь, перевёз семью, получил квартиру, работал на кафедре в НГУ и в институте. Потом, когда гуманитарное направление в университете начали сворачивать и нам предложили переехать в Красноярск, я решил вернуться в Питер и поменять комнату, чтобы не сталкиваться с прежним соседом. Пришел в райисполком Московского района, чтобы продлить бронирование комнаты. А председатель райисполкома, наглый чиновник, мотивируя тем, что у меня есть жильё в Новосибирске, на моих глазах порвал ордер. У меня вспыхнуло такое желание двинуть его в челюсть, чувствую, что поблудное и только успел сказать: «Сейчас я тебе, сволочь, морду

набью!», появилась охрана. Он нажал тревожную кнопку. Мне, правда, ничего не сделали, но комнату я потерял и возвратился назад, в Сибирь.

Было, конечно, очень непросто приспособиться к новым обстоятельствам — война приучает к дикому состоянию, это нехорошо. Много нашего брата не нашли своего места в мирной жизни, не смогли смириться с несправедливостью, спились и ушли из жизни раньше времени. Мой командир Иван Гаврыш, который в результате неудачной посадки бомбардировщика получил травму позвоночника и стал инвалидом, из авиации был списан, некоторое время занимался совершенно неинтересным для него делом, а потом и вовсе был отправлен на пенсию. Для лечения ему нужны были дорогие американские лекарства, а денег у обладателя Золотой Звезды героя не было. Я, как мог, помогал ему, ведь он был очень близкий мне человек. Ушел из жизни он раньше срока. Штурман Данила Иванович Нагорный, сибиряк из Ишима — в полку был уважаемый человек, штурман эскадрильи, звали мы его «старик» (он был старше нас лет на пять). После того, как его демобилизовали, деваться ему было некуда, устроился работать где-то на вахте. Это же было уничиительно, он начал пить и замерз в крещенские морозы. Мы были совершенно не готовы к мирной жизни. Это была драма для нашего поколения.

— Что вас больше всего не устраивало в той жизни, что хотелось изменить?

— Вселенская ложь — обещание коммунизма и райской жизни.

— Вы верили в это?

— Нет, но открыто сказать об этом было нельзя — сразу бы упекли в места не столь отдалённые.

— А как вы отнеслись к перестройке?

— Сначала появилась некоторая вера, что все будет исправлено. На самом деле, всё было не подготовлено. Как можно было относиться к реформе, когда деньги на сберегательных книжках обесценились в один миг. Старика, которые копили, чтобы их хотя бы похоронили достойно, лишились своих сбережений. А как дальше пошла перестройка? Ничего ведь не перестроили. Для того, чтобы перестроить, нужно создать новое общество, а реформаторы — люди своей среды, а среда — продукт истории, говорил А.С. Пушкин, повторяя слова французских просветителей. Человек, попадая в чиновничью среду, перенимает все привычки чиновника. Связь с народом у него очень слабая. Возьмите московского банковского клерка — он меньше ста тысяч в месяц не зарабатывает. А сколько у нас олигархов, которые имеют десятки миллиардов долларов? Что они реально сделали, неужели их труд так дорого стоит? Крестьянин же получает за свой труд тысячу-полторы — не больше. А он ведь кормит страну. В результате народ бежит в город, пустеют поля, в центре России стоят мертвые деревни. А какая-нибудь мать-одиночка бьётся, растит сына, которого забирают в армию и отправляют в Чечню, на убой. А сына олигарха кто-нибудь может послать в Чечню? Нет, конечно. Это же абсолютная несправедливость. Всё это никуда не годится.

— А что из прошлой жизни надо было взять, чего нам не хватает?

— У людей труда, у сельских жителей была порядочность, они не могли обмануть, не могли украсть, не пьянствовали. Они и детей своих так воспитывали. Они обладали глубокой нравственностью. Но сейчас эти качества не в цене. Многие учёные, которых не оценили по достоинству, уехали за границу и не хотят возвращаться. А они нужны в России. И счёт таких эмигрантов идет на тысячи.

— Александр Ильич, чтобы прожить такую долгую жизнь и не сломаться, нужен крепкий стержень. Что поддерживало вас в трудные минуты — мораль, сила духа, вера? Вы верующий человек?

— Мать моя была глубоко верующим человеком, и она внушала нам, что надо верить, потому что есть какая-то сила над нами — это Бог. Разве религия чему-нибудь плохому учит? И я стал верить в силу, которая хоть и незрима, но она наставляет человека на путь истинный. Если будешь жить по справедливости и делать добро, пусть себе в ущерб, тебе это где-то зачтётся. Занимаясь филологией, я читал много церковнославянских текстов, и надо сказать, что христианские истины очень убедительно изложены в библейских и евангельских текстах. Древнерусская литература хорошо воспитывала людей. А отец научил меня упорно делать свое дело, поэтому я и добился некоторых успехов в гуманитарной профессии.

Черпаю силы в хорошей книге, в классической музыке. Музыка — это другой мир, это духовная религия. В трудные моменты поддерживают близкие и родные. Жена, тоже филолог, родила мне двух мальчиков. Один погиб трагически и очень рано, жена, к сожалению тоже уже ушла из жизни. Сын живет в другом городе, но у меня есть две прекрасные внучки и чудесные правнучки, которые живут недалеко и дарят мне радость общения.

В отличие от своих однополчан, я запрещал себе выпивать. Выпивал, но немного, только как допинг. Всегда держал себя в физической форме, имел третий разряд по спортивной гимнастике, второй разряд по боксу. Утренняя зарядка обязательна, ещё с военных дней. Зимой каждый выходной ходил на лыжах, вовлекал в такие походы коллег. И сейчас каждый день делаю зарядку на турнике, вечером с гантелями занимаюсь. Всю жизнь старался быть здоровым и физически, и морально. Это много значит.

В. Михайлова, «НВС»
Фото В. Новикова